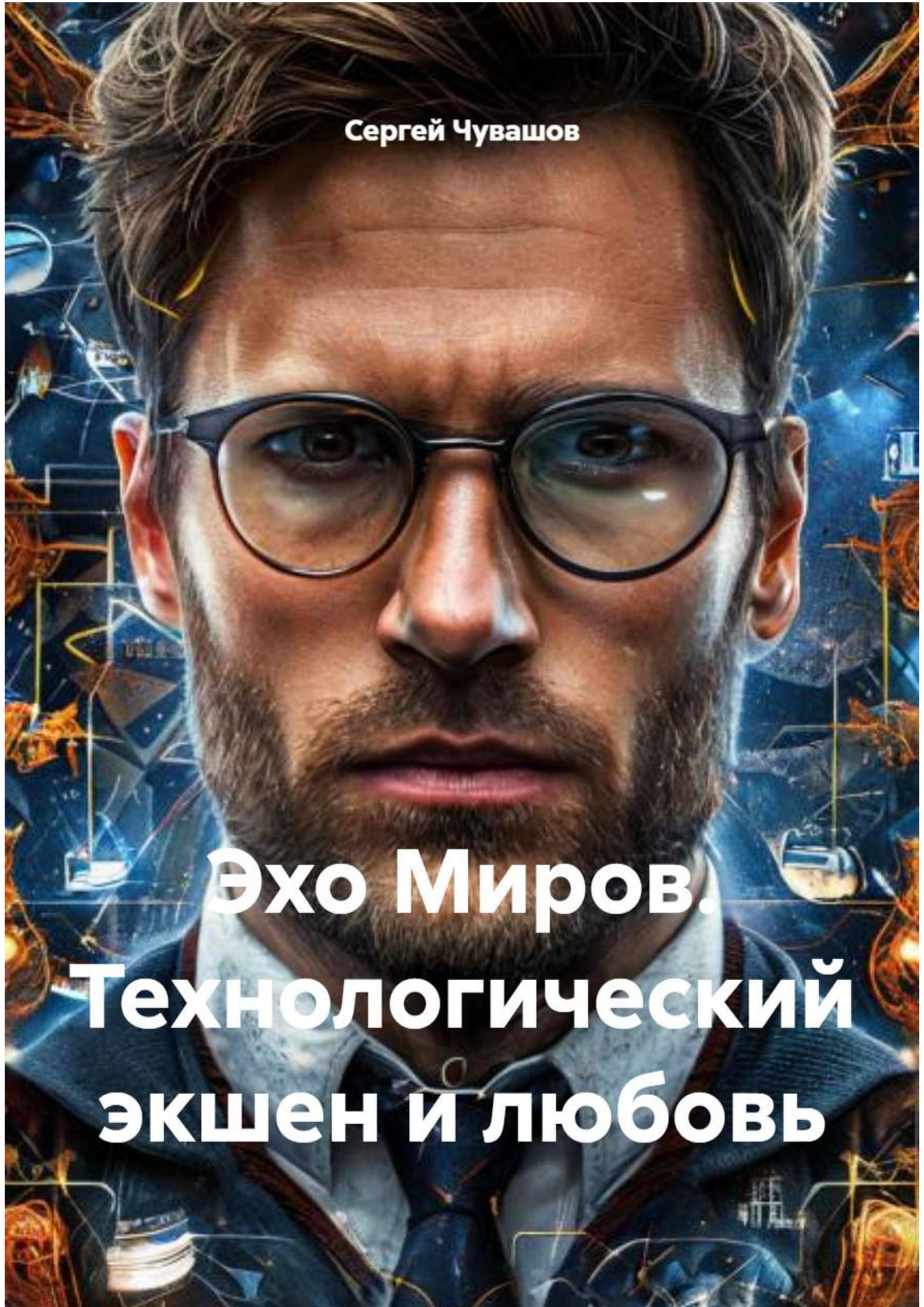

Сергей Чувашов

**Эхо Миров.
Технологический
экшен и любовь**

Сергей Чувашов

**Эхо Миров. Технологический
экшен и любовь**

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Эхо Миров. Технологический экшен и любовь / С. Ю. Чувашов —
«Автор», 2026

Представьте, что где-то там, в бесконечности квантовых миров, живёт другая вы. Максим Лавров, гениальный программист и фанат цифровых технологий, не верил в любовь с первого взгляда. Но когда его хакерская программа взломала не систему Пентагона, а саму реальность, он провалился в мир, который был пугающе похож на его собственный. И встретил там Её — Алису. Смелую, свободную, живущую по совершенно иным правилам. Их связь стала сильнее законов физики, превратившись в опасный резонанс, который начал разрушать оба мира. Теперь они — беглецы не от правосудия, а от распада реальности. Выбор прост: потерять друг друга навсегда или рискнуть всем и найти ту единственную точку, где их миры соприкоснутся, не уничтожив друг друга. По пути они раскроют тайну рождения Алисы, правду о погибшем отце Максима и поймут, что их встреча была predetermined задолго до их рождения. Смогут ли они соединить миры, не разрушив их, и остаться вместе?

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Точка бифуркации	5
Часть 1	5
Часть 2	7
Часть 3	9
Глава 2: Квантовая запутанность	10
Часть 1	10
Часть 2	12
Часть 3	14
Часть 4	16
Часть 5	18
Глава 3: Зона отчуждения	19
Часть 1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Чувашов

Эхо Миров. Технологический экшен и любовь

Глава 1: Точка бифуркации

Часть 1

Дождь в Москве был каким-то особенно навязчивым. Он не просто моросил – он ввинчивался во все щели, заставляя воздух в квартире Максима Лаврова казаться влажной ватой. За окном, в темноте Хорошёвского района, небо подсвечивалось болезненно-оранжевым заревом городских огней, отражающихся в низких тучах. Три часа ночи, а город не спал, пережёвывая свет и звуки и выплёвывая их обратно глухим, низкочастотным гулом.

Максим сидел в кресле с такой высокой спинкой, что оно напоминало трон, изъеденный молью цифровой эпохи. Перед ним светилась стена из шести мониторов, на каждом из которых бежали разноцветные строки кода. Он не писал код – он в нём купался. Для него это была не просто работа, а единственный способ разговаривать с миром, который он так и не научился понимать.

Пальцы с выпирающими костяшками замерли над клавиатурой. Он смотрел на центральный экран, где пульсировала трёхмерная модель – спираль Данди, закрученная сама в себя. Проект «Эхо».

– Ну давай, – прошептал он, и его голос скрипнул, как несмазанная дверь.

Идея была простой до безумия и сложной до невозможности: если время – это река, то в ней должны оставаться завихрения. Отпечатки. Следы того, что уже произошло, но продолжает влиять на настоящее. Физики называли это квантовой запутанностью во времени, программисты – глюком матрицы, а Максим называл это шансом поймать за хвост свою жизнь, которая, казалось, свернула не туда ещё в момент его рождения.

Он откинулся в кресле и потёр ладонями лицо. Трёхдневная щетина колола пальцы. В квартире было пусто, если не считать книг, разбросанных по полу, и пустых кружек из-под кофе, которые оккупировали все горизонтальные поверхности. Последние серьёзные отношения закончились год назад. Катя сказала тогда: «Ты живёшь в экране, Макс. Ты сам стал пикселем». Он тогда даже не обиделся. Просто кивнул. Потому что это была правда.

Телефон на столе вибрировал, раз за разом заставляя стакан с водой отзываться мелкой рябью. Он взглянул на экран: мать. Пятый раз за вечер. Он сбросил вызов и тут же написал сообщение: *«Живой. Работаю. перезвоню завтра»*.

Ложь. Он не перезвонит. Потому что разговор с матерью – это всегда один и тот же сценарий: «Когда ты уже устроишь нормальную жизнь? Женись, роди детей, купи дачу». Словно он был бракованным экземпляром, который нужно срочно отправить в ремонт.

– Нормальную жизнь, – усмехнулся Максим, взглядываясь в собственное отражение в погасшем мониторе. – А что такое нормальная жизнь в мире, где каждый твой выбор создаёт новую вселенную?

Он не был физиком, но читал достаточно. Эверетт, многомировая интерпретация, теория бесконечных ветвей реальности. Где-то там, в одной из этих ветвей, существовал Максим, который не бросил музыку. Максим, который не побоялся признаться отцу в любви до того, как

тот умер от инфаркта прямо в аэропорту, улетая в командировку, с которой так и не вернулся. Максим, который не спрятался за семью замками от мира.

– Где ты там? – спросил он у пустоты. – Счастлив?

Ответом ему был вой вентилятора в системном блоке, который вдруг взревел, как раненый зверь.

Максим резко выпрямился. На центральном мониторе графики, которые должны были быть плавными, как дыхание йога, вдруг пошли дикими пиками. Частота колебаний взлетела до небес. Алгоритм, который он назвал «Ловцом снов», зафиксировал аномалию.

– Не может быть, – прошептал он, пальцы сами заплясали по клавишам, отдавая команды.

Это было похоже на эхо. Настоящее эхо во времени. Словно кто-то там, на другом конце реальности, стучал в стенку, пытаясь докричаться.

Максим вскочил, чуть не опрокинув кресло. Сердце колотилось где-то в горле. Он обошёл стол, вглядываясь в цифры, словно мог разглядеть за ними лицо того, кто посылал этот сигнал. Потом замер.

В центре комнаты, прямо на выцветшем персидском ковре, который достался ему от бабушки, воздух начал вибрировать.

Сначала это была едва заметная рябь, как над раскалённым асфальтом. Потом вибрация усилилась, и Максим услышал звук – высокий, пронзительный, от которого заныли зубы и защипало в глазах. Он зажмурился, выставив вперёд руку, будто это могло защитить от того, что должно было произойти.

А когда открыл глаза, пространство рвалось.

Буквально. Как старая фотография, которую тянут в разные стороны. В центре комнаты образовался разрыв – вертикальная щель, из которой лился свет. Не жёлтый, как от лампы, и не белый, как от монитора. Это был свет неземной, серебристо-голубой, текучий, как ртуть.

Щель расширялась, и Максим видел край реальности – свой ковёр, свои книги, своё кресло, и... другое.

Там, за разрывом, тоже была комната. Но не его. И в этой комнате стояла ОНА.

Девушка замерла, вцепившись в какой-то прибор, похожий на зеркальный шар, опутанный проводами. Её глаза, огромные, зеленовато-серые, как нельская волна, смотрели прямо на него сквозь пульсирующую ткань мироздания. Русые волосы, собранные в небрежный пучок, рассыпались по плечам. Она была в простой белой футболке и джинсах, испачканных чем-то похожим на машинное масло или графит.

Максим не мог пошевелиться. Воздух в лёгких превратился в стекло. Потому что он смотрел на неё и понимал: он знает её. Не лицом к лицу, не по фотографиям. Он знал её *глубже*. Знал, как пахнут её волосы, знал, какой у неё голос, знал, что она терпеть не может кофе и обожает дождь.

Это было невозможно. Это было безумием. Но это было сильнее страха, сильнее шока, сильнее всех законов физики, которые только что разорвались в клочья у него перед носом.

Она пошевелила губами. Он не услышал, но прочитал:

– Ты?

И в этом одном слове было всё: удивление, страх и та же самая, сводящая с ума, необъяснимая узнаваемость.

Максим сделал шаг вперёд, протягивая руку к светящейся кромке разрыва.

Часть 2

В ту же секунду мир вокруг Алисы превратился в ад.

Ещё секунду назад она калибровала резонатор, пытаясь поймать ускользающий сигнал, который её установка выдавала уже третьи сутки подряд. Мать сказала бы: «Ты переработала, детка. Тебе кажется». Но Алиса знала: сигнал был реален. Слабый, почти на границе белого шума, но он пульсировал с чёткой периодичностью, словно сердцебиение гигантского зверя.

Лаборатория в подмосковном наукограде, где она работала, больше напоминала бункер. Бетонные стены, армированные двери, системы подавления сигнала. Мать настояла на максимальной секретности, хотя проект был чисто исследовательским – изучение графеновых структур в условиях сверхнизких температур.

Алиса не хотела становиться учёным. Она хотела рисовать. Хотела уехать в Прагу и писать там городские пейзажи, ловить кистью золото осенних лип и серебро Влтавы. Но мать, доктор физико-математических наук, женщина-кремь, которую боялись и уважали в академических кругах, решила иначе.

– У тебя талант, – говорила она стальным голосом, когда Алиса пыталась протестовать. – Ты не закопаешь его в мазне. Ты пойдёшь дальше меня.

И Алиса пошла. Потому что спорить с матерью было бесполезно. Потому что после смерти отца, которого Алиса почти не помнила, мать стала её единственной семьёй. А семью не бросают. Даже если эта семья душит тебя своей любовью, как удавкой.

Сейчас Алиса стояла перед пультом управления, вглядываясь в монитор, где резонансные кривые вдруг пошли вразнос. Сигнал, который она ловила, набрал невероятную мощность. Графеновая мембрана, охлаждённая почти до абсолютного нуля, вдруг начала светиться – сначала тускло, потом всё ярче.

– Что за... – прошептала она, не веря своим глазам.

Сработала аварийная сигнализация. Завыли сирены. Красные лампы залили лабораторию тревожным пульсирующим светом. Но Алиса не могла оторвать взгляда от центра зала, где прямо в воздухе формировался разрыв.

Это было похоже на радужную плёнку бензина на воде, только в вертикальной плоскости. Края её переливались всеми цветами спектра, а внутри... внутри была пустота, заполненная тем самым серебристым светом.

И в этой пустоте она увидела ЕГО.

Мужчина с тёмными волосами, падающими на лоб, с глубокими, усталыми глазами, стоял по ту сторону реальности. Он был в простой чёрной футболке, и его комната – грязная, заваленная книгами и техникой – казалась такой далёкой и одновременно пугающе близкой.

Алиса замерла. Прибор выскользнул из ослабевших пальцев и с гулким стуком покатился по полу. Она смотрела в его глаза, и мир вокруг перестал существовать. Сирены, мигалки, вой систем оповещения – всё исчезло. Остался только ОН.

Она не знала этого человека. Никогда не видела даже во сне. Но внутри неё, в самой глубине души, что-то отозвалось такой мощной волной тепла и узнавания, что у неё подкосились ноги. Сердце пропустило удар, а потом забилося часто-часто, как птица в клетке.

– Ты? – одними губами спросила она, и в это слово вложила весь ужас, всё удивление и ту странную, щемящую радость, которая разливалась по венам вместо крови.

Он протянул к ней руку. Простой жест, но такой отчаянный, такой искренний, что Алиса сама шагнула вперёд.

И в этот момент разрыв начал схлопываться.

Края реальности задрожали, пошли рябью и с невероятной скоростью начали смыкаться. Алиса рванулась вперёд, но было поздно. Серебристый свет погас, комната на той стороне исчезла, и она снова стояла в своей лаборатории, оглушённая внезапно наступившей тишиной.

Сирены умолкли. Лампы погасли. Только графеновая мембрана ещё слабо фосфоресцировала в центре зала, да по пульту управления бежали строчки аварийных логов.

Алиса упала на колени, прямо на холодный бетонный пол. Руки тряслись. По щекам текли слёзы, которых она даже не замечала.

– Кто ты? – прошептала она в пустоту. – Где ты?

И в голове, вопреки всякой логике, вопреки воспитанию матери-материалистки, вопреки всему, чему её учили, билась одна-единственная мысль: *Он существует. Я не одна. Где-то там есть ОН.*

Часть 3

В Москве Максим стоял посреди комнаты, тяжело дыша. Щель исчезла. Воздух снова стал обычным, комнатным, пахнущим пылью и озоном. Только на ковре остался выжженный круг – идеально ровный, словно кто-то приложил к ворсу гигантскую лупу.

Он подошёл к тому месту, где только что висела пульсирующая радуга реальности. Присел на корточки, провёл пальцем по обгоревшим краям ворса. Ткань рассыпалась в пепел.

– Этого не может быть, – сказал он вслух, и голос его прозвучал глухо и неестественно.

Он вернулся к мониторам. Логи «Ловца снов» распухли до невероятных размеров. Данные, которые он получил за эти тридцать секунд, превышали объём всей информации, собранной за год. Максим пробежался глазами по цифрам, и у него перехватило дыхание.

Частота сигнала совпадала с частотой его собственного сердцебиения. С точностью до сотых долей процента.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Перед внутренним взором стояла ОНА. Её лицо, её испуганные и одновременно счастливые глаза, её губы, беззвучно шепчущие: «Ты?».

Кто она? Почему он чувствует её так, словно знал всю жизнь? И почему, чёрт возьми, у него сейчас трясутся руки, как у подростка перед первым поцелуем?

Телефон снова завибрировал. Мать. Он машинально потянулся, чтобы сбросить, но пальцы замерли. На экране высветилось не просто «Мама», а фотография – старая, потрёпанная, которую он отсканировал когда-то для архива. На фото мать была молодой, счастливой, и держала на руках маленького Максима. А рядом стоял отец – высокий, широкоплечий мужчина с такими же тёмными глазами, как у сына.

Максим вдруг вспомнил, как отец учил его кататься на велосипеде. Как бежал рядом, придерживая за руль, и кричал: «Не бойся, сынок! Я здесь, я держу!». А потом отпустил, и Максим поехал сам. Впервые в жизни сам.

Отец умер, когда Максиму было шестнадцать. Сердце. В аэропорту, за пять минут до посадки на рейс, с которого он должен был вернуться через неделю. Максим так и не успел сказать ему самое главное.

– Пап, – прошептал Максим в темноту комнаты. – Что происходит?

Ответа не было. Только мониторы тихо гудели, переваривая данные о встрече, которая перевернула всё.

Он резко встал и подошёл к окну. Дождь кончился. Небо начало светлеть на востоке, пробиваясь сквозь тучи бледной акварелью рассвета. Город просыпался, ничего не зная о том, что несколько часов назад в обычной квартире на Хорошёвке разорвалась ткань мироздания.

Максим сжал кулаки и посмотрел на своё отражение в стекле.

– Я найду тебя, – пообещал он неизвестно кому – то ли себе, то ли той девушке с глазами цвета невской волны. – Я найду способ.

Он не знал, что она в эту самую минуту, сидя на холодном полу засекреченной лаборатории, шепчет те же самые слова. Не знал, что их миры только начали сталкиваться, и что цена этой встречи может оказаться слишком высокой для обоих.

Но одно он знал точно: прежней жизни больше нет. Потому что нельзя вернуться в нормальность, когда ты увидел за разрывом реальности своё отражение. Свою вторую половинку. Своё эхо в бесконечности миров.

Глава 2: Квантовая запутанность

Часть 1

Утро в Москве встретило Максима мигренью и тремя пропущенными вызовами от матери. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел на выжженный круг на ковре, как археолог на окаменелость инопланетного происхождения.

Кофе в кружке давно остыл, но Максим продолжал сжимать её ладонями, словно искал в керамике точку опоры. Голова раскалывалась. Каждый раз, когда он закрывал глаза, перед ними всплывало лицо девушки. Её глаза. Этот взгляд – одновременно испуганный и бесконечно родной.

– Спокойно, – приказал он себе вслух. – Анализируй.

Максим поднялся, подошёл к мониторам и вывел на экран все данные ночного инцидента. Спектральный анализ излучения, временные метки, частотные характеристики. Цифры плясали перед глазами, но одна закономерность проявилась сразу: сигнал был не хаотичным. Он был модулированным. Словно кто-то специально кодировал информацию.

– Твою ж дивизию, – выдохнул Максим, пробежав глазами расшифровку.

В шумовых пиках скрывалась повторяющаяся последовательность. Двоичный код. Он прогнал её через дешифратор и через минуту смотрел на экран с чувством, что земля уходит из-под ног.

«Эхо. Ответ. Я знаю, ты там»

Сообщение было отправлено за три минуты до того, как портал открылся.

– Она тоже искала, – прошептал Максим. – Она знала.

Мысли понеслись вскачь. Если она могла отправлять сигналы, значит, у неё было оборудование. Серьёзное оборудование. Не любительская установка, а профессиональный исследовательский комплекс. Кто она? Физик? Инженер? И почему она искала контакт с параллельной реальностью?

Он открыл программу и начал писать ответный код. Пальцы летали по клавиатуре с такой скоростью, словно боялись опоздать. Нужно было послать сигнал на той же частоте, поймать резонанс, открыть канал связи.

Максим работал как одержимый, не замечая времени. Солнце поднялось выше, залило комнату жёлтым светом, потом скрылось за тучами, и снова пошёл дождь – мелкий, нудный, осенний. А он всё сидел, вливая в строки кода всю свою надежду, весь страх, всё то необъяснимое притяжение, которое жгло его изнутри.

Сигнал ушёл в эфир в 14:23.

Ответ пришёл через семнадцать минут.

«Ты существуешь. Я не сошла с ума. Меня зовут Алиса»

Максим выдохнул так, словно до этого мгновения вообще не дышал. Он набрал ответ:

«Максим. Ты где?»

«Не знаю. Секретный объект. Подмосковье. Наука. А ты?»

«Москва. Хорошёвка. Программист»

Пауза. Потом новый пакет данных:

«Как это возможно? Мы из разных миров?»

«Похоже на то. Ты физик?»

«Да. Вернее, меня заставили им стать. А ты создал портал?»

«Случайно. Искал эхо во времени. Нашёл тебя»

Ответ пришёл не сразу. Максим уже начал нервничать, когда на экране всплыло:

«Я тоже тебя искала. Всю жизнь. Только не знала, что именно. А теперь знаю»

У Максима перехватило дыхание. Он смотрел на эти слова и чувствовал, как внутри разливается что-то тёплое, давно забытое, почти невозможное. Он не имел права верить в это. Не имел права надеяться. Но сердце уже не слушалось приказов разума.

В этот момент раздался звук, от которого кровь застыла в жилах.

Дверной звонок.

Но это был не обычный звонок – это была трель, которую Максим сам запрограммировал год назад. Тревожный сигнал. Оповещение о том, что кто-то взламывает его систему безопасности.

Он резко обернулся к монитору слежения. В коридоре, перед его дверью, стояли трое. В чёрных костюмах, с характерной выправкой. Лиц не разобрать – камеру засвечивал мощный фонарик, направленный прямо в объектив.

– Максим Андреевич Лавров, – раздался усиленный голос из-за двери. – Откройте. У нас ордер на обыск.

Сердце ухнуло в пятки. Он лихорадочно заметался взглядом по комнате. Жёсткий диск с данными, сервер, мониторы, распечатки. Если это ФСБ или хуже – спецслужбы, засёкшие аномальную активность, – ему конец.

– Максим Андреевич, – голос стал жёстче. – Если вы не откроете, мы вынуждены будем взломать дверь.

Он метнулся к компу и начал экстренно стирать данные. Но прогресс-бар полз мучительно медленно. Слишком много информации.

– Три секунды, – рявкнули из-за двери. – Раз. Два.

Максим схватил телефон и успел отправить Алисе последнее сообщение:

«За мной пришли. Если исчезну – ищи. Не сдавайся»

Три.

Дверь слетела с петель от удара тараном.

Часть 2

В лаборатории Алисы тоже наступило утро, хотя сюда не проникал солнечный свет. Только холодный свет люминесцентных ламп, от которого к концу смены начинало невыносимо болеть глаза.

Она не спала всю ночь. Сидела за пультом, в сотый раз пересматривая записи с камер, которые успела сделать до того, как система безопасности зафиксировала сбой. На одной из них – той, что чудом не стёрлась – было видно лицо Максима. Размытое, нечёткое, но живое.

Алиса увеличила изображение и всматривалась в каждую чёрточку. Тёмные волосы, падающие на лоб. Глубокие глаза, в которых читалась усталость и что-то ещё – одиночество? Тоска? Она знала это чувство. Сама жила с ним столько лет, сколько себя помнила.

– Кто ты, Максим? – прошептала она, касаясь пальцами экрана там, где было его лицо.

Ответ пришёл через зашифрованный канал, который она настроила ночью. Сообщение за сообщением. Короткие, рваные фразы, от которых сердце билось быстрее. Он был программистом. Жил в Москве. Тоже искал её.

Алиса улыбнулась – впервые за долгое время самой настоящей улыбкой. А потом пришло последнее сообщение:

«За мной пришли. Если исчезну – ищи. Не сдавайся»

Она замерла. Пальцы похолодели.

– Нет, – выдохнула она. – Нет, нет, нет...

Она попыталась отправить ответный сигнал, но частота молчала. Канал связи был мёртв. Максим исчез.

Алиса вскочила, заметалась по лаборатории. Что делать? Как его найти? Она даже не знает, в каком он городе, в какой стране, в каком, чёрт возьми, мире!

В этот момент двери лаборатории распахнулись.

На пороге стояла её мать – Елена Сергеевна Верховцева, доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН, женщина, одним взглядом способная заставить замолчать целый учёный совет. Высокая, седая, с идеальной осанкой и глазами, в которых никогда не было тепла.

– Алиса, – голос матери звучал ровно, но в нём чувствовалась сталь. – Объясни мне, что произошло прошлой ночью.

Алиса попыталась сделать безразличное лицо, но мать всегда видела её насквозь.

– Сбой оборудования, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я уже разобралась.

– Сбой? – Елена Сергеевна подошла ближе, и Алиса невольно отступила на шаг. – Детка, я видела логи. Твоя установка зафиксировала выход на неизвестный частотный диапазон. Ты поймала сигнал, не так ли?

– Мама, я...

– Не смей мне врать.

Голос матери хлестнул, как пощёчина. Алиса стиснула зубы. Старая привычка – терпеть, молчать, подчиняться. Но сегодня что-то внутри неё воспротивилось. Может быть, встреча с Максимом что-то сломала в ней. Или, наоборот, построила заново.

– Да, – сказала она, глядя матери прямо в глаза. – Я поймала сигнал. Из параллельного мира. Там есть кто-то. И я собираюсь найти его снова.

На мгновение в глазах Елены Сергеевны мелькнуло что-то похожее на страх. Всего на секунду – и исчезло, сменившись привычной ледяной маской.

– Ты не понимаешь, во что ввязываешься, – тихо сказала мать. – Такие эксперименты... они опасны. Не только для тебя. Для всех.

– А ты понимаешь? – Алиса шагнула вперёд, и впервые в жизни не отступила под этим взглядом. – Ты что-то знаешь, мама. Что-то, о чём никогда мне не рассказывала. И я имею право знать.

Повисла тяжёлая тишина. Где-то в вентиляции гудел мотор. Лампы мерно жужжали.

– Через час у меня совещание в Москве, – наконец сказала Елена Сергеевна, разворачиваясь к двери. – А ты останешься здесь. И не вздумай ничего предпринимать. Это приказ.

– Мама...

– Я сказала – не вздумай.

Дверь закрылась. Алиса осталась одна. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

«Если исчезну – ищи», – всплыли в памяти слова Максима.

Она посмотрела на монитор, где всё ещё висело его размытое лицо.

– Я найду тебя, – пообещала она. – Что бы ни случилось. Клянусь.

Часть 3

Максима втокнули в комнату без окон. Только стол, стул и нестерпимо яркая лампа, бьющая прямо в лицо. Классика. Он даже усмехнулся про себя – в кино так всегда показывают допросы.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти с лицом, которое не выражало ровным счётом ничего. Рыбы глаза, тонкие губы, седой ёжик волос. Рядом стоял молодой – по виду, технарь, с ноутбуком наперевес.

– Садитесь, Максим Андреевич, – кивнул седой на стул напротив.

Максим сел. Руки скованы пластиковыми стяжками, но это не самое страшное. Страшнее то, что они забрали все жёсткие диски. Все его данные. Всё, что связывало его с Алисой.

– Меня зовут полковник Громов, – представился седой. – Федеральная служба безопасности. Вы понимаете, почему вы здесь?

– Признаюсь честно – нет, – Максим постарался, чтобы голос звучал ровно. – Я законопослушный гражданин. Плачу налоги. Не нарушаю.

– Не нарушаете? – Громов подался вперёд. – А вчера ночью, в 3:15, вы что делали?

– Спал, – соврал Максим.

Технарь за его спиной хмыкнул и повернул ноутбук экраном к Максиму. На нём были графики. Те самые. Всплески энергии, зафиксированные спутниковой системой мониторинга.

– Ваша квартира, Максим Андреевич, – Громов ткнул пальцем в пик, зашкаливающий за все мыслимые пределы. – Выброс энергии, эквивалентный небольшому ядерному взрыву. Только без радиации. Без тепла. Без света. Чистая информация. Объясните мне, как программист, увлекающийся компьютерными играми, мог произвести такой выброс?

Максим молчал. Сердце колотилось где-то в горле. Они знали. Они всё знали.

– Мы давно за вами наблюдаем, – продолжил Громов. – Проект «Эхо». Поиски временных аномалий. Вы думали, что работаете в одиночку, но ваши запросы в закрытых базах данных, ваши попытки выйти на связь с институтами ядерной физики... Всё это фиксировалось.

– Я просто учёный-любитель, – выдавил Максим. – Хобби такое. Ничего противозаконного.

– Противозаконного? – Громов вдруг рассмеялся, но смех был невесёлым. – Максим Андреевич, вы даже не представляете, во что вляпались. То, что вы открыли – это не игрушки. Это может уничтожить наш мир. Или уже уничтожает.

Он кивнул технику, и тот вывел на экран другую картинку. Спутниковый снимок какого-то района. Максим не сразу понял, что видит.

– Узнаёте? – спросил Громов. – Это Хорошёвский район. Ваш дом. Смотрите внимательно.

Максим всмотрелся и похолодел. Рядом с его домом на снимке было пустое место. Провал. Как будто кусок реальности просто исчез.

– Что это? – спросил он осипшим голосом.

– Это последствия вашего эксперимента, – жёстко ответил Громов. – Через час после того, как вы открыли портал, в этом районе зафиксирована пространственная аномалия. Исчезла часть улицы. Люди, машины, асфальт – всё просто... стёрлось. На время. Через три часа материализовалось обратно. Люди живы, но ничего не помнят. Аномалия затронула одиннадцать человек.

Максим смотрел на снимок и не верил своим глазам. Неужели это из-за него? Неужели его встреча с Алисой могла причинить вред другим?

– Теперь понимаете? – Громов откинулся на спинку стула. – Вы не просто нарушили закон. Вы нарушили ткань реальности. И если мы не поймём, как это остановить, последствия могут быть катастрофическими.

– Я... я не знал, – прошептал Максим. – Я не хотел...

– Ваши хотелки нас не интересуют, – оборвал его Громов. – Нас интересует, как это закрыть. И как связаться с той стороной. Потому что, судя по нашим данным, вы установили контакт. Так?

Максим молчал, лихорадочно соображая. Если он расскажет про Алису, они начнут охоту на неё. А если не расскажет – как он сможет её найти сам?

– Не хотите говорить? – Громов вздохнул. – Ну, дело ваше. У нас есть время. А у вас – только мы.

Он встал и направился к двери.

– Подумайте, Максим Андреевич. Когда надумаете говорить – позовите. А пока посидите здесь. Подумайте о том, что ваша игра в бога может стоить жизни тысячам людей.

Дверь закрылась. Максим остался один в слепящей пустоте допросной.

Он закрыл глаза и представил Алису. Её лицо. Её взгляд.

– Прости меня, – прошептал он. – Я не знал, что так получится.

И вдруг, совершенно отчётливо, он почувствовал тепло. Не физическое – какое-то другое. Оно разлилось в груди, согревая, успокаивая. Словно кто-то невидимый обнял его за плечи и сказал: «Я здесь. Я с тобой».

Максим распахнул глаза.

– Алиса? – позвал он в пустоту. – Ты меня слышишь?

И эхом в голове отозвался её голос – тихий, но отчётливый:

«Я слышу, Максим. Я здесь. Я всегда буду здесь»

Часть 4

Алиса не знала, как это работает. Но когда она закрыла глаза и сосредоточилась на лице Максима, когда представила его так ясно, как только могла, она вдруг почувствовала его страх. Его отчаяние. Его одиночество.

И ответила.

Это было похоже на мысленный разговор, но гораздо реальнее. Словно их сознания соприкоснулись, сплелись, стали одним целым. Она видела тусклую комнату без окон, видела яркую лампу, видела его связанные руки. И чувствовала его боль, как свою.

– Держись, – прошептала она вслух. – Я что-нибудь придумаю.

В лабораторию ворвалась мать. Елена Сергеевна была бледнее обычного, и в её глазах плескался страх – настоящий, неподдельный страх.

– Алиса! – крикнула она. – Немедленно прекрати!

Алиса открыла глаза и уставилась на мать.

– Что прекратить?

– Ты снова с ним связалась! – мать подбежала к пульту и начала лихорадочно что-то набирать на клавиатуре. – Я чувствую резонанс! Вы создаёте связь, которая разрушает барьеры!

– Откуда ты знаешь? – Алиса встала, чувствуя, как внутри закипает злость. – Откуда ты всё это знаешь, мама?

Елена Сергеевна замерла. Её руки опустились.

– Потому что я уже проходила через это, – тихо сказала она. – Тридцать лет назад.

Алиса застыла, не веря своим ушам.

– Что?

Мать медленно повернулась к ней. В её глазах стояли слёзы – впервые в жизни Алиса видела мать плачущей.

– Твой отец, – сказала Елена Сергеевна. – Он был не из нашего мира.

Тишина повисла в лаборатории, густая и вязкая, как смола. Алиса смотрела на мать и не могла вымолвить ни слова.

– Мы встретились так же, как вы, – продолжала Елена Сергеевна. – Случайный эксперимент, открывший портал. Он был физиком из параллельной реальности. Таким же учёным, как я. Мы полюбили друг друга. И решили быть вместе, несмотря ни на что.

– Но... – Алиса перевела дыхание. – Но ты всегда говорила, что он погиб в автокатастрофе, когда мне был год.

– Он погиб, – голос матери дрогнул. – Но не в автокатастрофе. Его убили. Люди, которые узнали, откуда он. Которые хотели использовать его знания, чтобы захватить власть над обоими мирами. Он отказался. И они его убили.

Алиса покачнулась и оперлась о пульт. Мир плыл перед глазами.

– А я? – спросила она чужим голосом. – Я кто?

– Ты – дитя двух миров, – ответила мать. – Первый в истории человечества человек, рождённый от родителей из разных реальностей. В тебе заложен потенциал, о котором мы даже не догадываемся. И именно поэтому ты так опасна для тех, кто хочет контролировать всё.

Алиса вспомнила своё детство – бесконечные тесты, анализы, наблюдения врачей. Мать говорила, что это из-за слабого здоровья. Теперь она понимала – это было изучение. Наблюдение.

– Кто они? – спросила Алиса, и в голосе её зазвенела сталь. – Кто убил моего отца?

– Я не знаю, – мать покачала головой. – Они скрываются. Маскируются под обычных людей, под спецслужбы, под учёных. Но они есть. И если они узнают про тебя и твоего Максима, они сделают всё, чтобы разлучить вас. Или использовать.

– Как моего отца?

– Да, – выдохнула Елена Сергеевна. – Как его.

Алиса отвернулась к монитору, где всё ещё пульсировала частота связи с Максимом. Его голос в голове звучал всё слабее, но она чувствовала – он жив. Он держится.

– Я не позволю им снова это сделать, – твёрдо сказала Алиса. – Я найду способ вытащить его. И мы будем вместе. Что бы мне это ни стоило.

– Алиса... – мать шагнула к ней.

– Нет, мама! – Алиса резко обернулась. – Ты тридцать лет молчала. Ты лишила меня права знать правду об отце. Ты лишила меня права выбирать. Но теперь я выросла. И я сделаю свой выбор сама. Даже если он меня убьёт.

Она подошла к установке и начала вводить команды. Елена Сергеевна смотрела на дочь и не узнавала её. В этой девушке не осталось ничего от прежней Алисы – послушной, тихой, загнанной в клетку. Перед ней стояла женщина, готовая бороться за свою любовь.

– Что ты делаешь? – спросила мать.

– Открываю портал, – ответила Алиса, не оборачиваясь. – Стабильный портал. И иду за ним.

– Это безумие! Ты можешь погибнуть! Миры нестабильны! Вы уже вызвали пространственные аномалии!

– Значит, будем их стабилизировать, – Алиса ввела последнюю команду и повернулась к матери. – Вместе. Потому что он – моя вторая половина. Так же, как отец был твоей. И ты это понимаешь лучше всех.

Елена Сергеевна смотрела на дочь долгим, тяжёлым взглядом. А потом, впервые в жизни, улыбнулась – тепло, по-настоящему.

– Ты точно его дочь, – сказала она. – Такой же упрямый идеалист.

Она подошла к пультам и положила руку поверх руки дочери.

– Я помогу тебе. Но запомни: если портал откроется, обратной дороги может не быть. Вы либо соедините свои миры, либо разрушите их. Третьего не дано.

Алиса кивнула, чувствуя, как к горлу подступают слёзы.

– Я знаю, мама. Но я должна попробовать. Ради него. Ради себя. Ради отца.

Установка загудела, набирая мощность. Графеновая мембрана начала светиться тем самым серебристым светом. Алиса закрыла глаза и мысленно позвала:

«Максим! Я иду! Держись!»

И оттуда, из темноты допросной, пришёл ответ – слабый, но отчётливый:

«Я жду. Я всегда ждал тебя»

Часть 5

В камере Максим почувствовал, как воздух вокруг начинает вибрировать. Он открыл глаза и увидел, как в центре комнаты зарождается знакомое сияние. Портал открывался снова. Но на этот раз – по её воле.

Дверь допросной распахнулась. Вбежал Громов, за ним – технарь и двое вооружённых солдат.

– Что происходит?! – заорал полковник.

Но ответить Максим не успел. Серебристый свет заполнил всё пространство, и из него шагнула ОНА.

Алиса была прекрасна – растрёпанная, бледная, с горящими глазами. В одной руке она сжимала какой-то прибор, похожий на небольшой излучатель. Увидев Максима, она рванула к нему, разрезая ножом пластиковые стяжки на его руках.

– Стреляйте! – заорал Громов солдатам.

Но было поздно. Алиса активировала прибор, и комната наполнилась ослепительной вспышкой. Максим почувствовал, как чья-то рука сжимает его ладонь, как их тела окутывает серебристый свет, как мир вокруг теряет очертания, превращаясь в водоворот красок и звуков.

Они падали сквозь реальность. Падали друг к другу. Падали в неизвестность.

А когда открыли глаза, то лежали на траве под открытым небом. Над ними было чистое голубое небо, вокруг – поле цветущих одуванчиков, а вдалеке виднелся знакомый силуэт Москва-Сити.

Но что-то было не так. Небо было слишком синим. Трава слишком зелёной. И тишина – абсолютная, звенящая тишина, в которой не слышно ни машин, ни самолётов, ни голосов.

Максим сел и огляделся. Алиса рядом тоже приподнялась, держась за голову.

– Где мы? – прошептала она.

Максим всмотрелся вдаль и похолодел. Над Москва-Сити не развевался российский флаг. Вместо него было какое-то другое полотнище. А улицы города были пусты. Совершенно пусты.

– Кажется, – сказал он медленно, – мы не в моём мире. И не в твоём.

Алиса посмотрела на него, и в её глазах читался тот же страх и то же изумление.

– Мы в третьем месте, – прошептала она. – Между мирами.

Они сидели в поле одуванчиков, сжимая руки друг друга, и смотрели на мёртвый, пустой город, который должен был быть Москвой. И не знали, что это только начало. Что впереди их ждёт борьба за выживание, погони, открытия и главный выбор в их жизни.

Но одно они знали точно: теперь они вместе. И это стоило всего.

Глава 3: Зона отчуждения

Часть 1

Тишина была такой плотной, что её можно было резать ножом.

Максим сидел на траве, всё ещё сжимая ладонь Алисы, и смотрел на замерший город. Москва-Сити возвышался над горизонтом, как каменный лес, но в его стеклянных башнях не отражалось ничего, кроме пустого неба. Ни движения машин на ТТК, ни привычного гула самолётов, заходящих на посадку во Внуково. Даже ветра не было – одуванчики стояли неподвижно, словно нарисованные.

– Это сон, – прошептала Алиса рядом. – Скажи мне, что это сон.

– Если это сон, то мы видим его вдвоём, – ответил Максим и повернулся к ней.

Она была ещё бледнее, чем в момент появления в допросной. Русые волосы растрепались, на щеке – грязный развод, то ли от травы, то ли от копоти. Но глаза – эти глаза цвета невиской волны – смотрели на него с такой отчаянной надеждой, что у Максима сжалось сердце.

– Ты пришла за мной, – сказал он тихо. – Зачем?

Алиса моргнула, словно вопрос показался ей абсурдным.

– Потому что ты там был. Потому что я чувствовала тебя. Потому что... – она запнулась, подбирая слова. – Потому что без тебя я снова стала бы той, кем была раньше. Пустым местом.

Максим не нашёл, что ответить. Никто и никогда не говорил ему таких слов. Ни одна девушка не смотрела на него так, словно он – центр вселенной. Обычно всё было наоборот – его считали холодным, замкнутым, неспособным на чувства. А эта женщина, которую он знал меньше суток, прыгнула за ним в неизвестность, рискуя всем.

– Спасибо, – сказал он хрипло. – За то, что не оставила.

– Всегда пожалуйста, – улыбнулась Алиса, и в этой улыбке было столько тепла, что Максим на мгновение забыл о том, где они находятся.

Но реальность напомнила о себе сама.

Звук был похож на далёкий раскат грома, но что-то в нём было неправильным. Слишком низким, слишком вибрирующим. Он шёл не с неба – из-под земли. Почва под ними мелко задрожала.

– Что это? – Алиса вскочила, инстинктивно прижимаясь к Максиму.

– Не знаю, – он тоже поднялся, оглядываясь.

Вдалеке, там, где начинались жилые кварталы, что-то происходило. Воздух искривлялся, как над костром, но без дыма и жара. Пространство пульсировало, и каждый пульс отзывался дрожью в груди.

– Аномалия, – выдохнула Алиса. – Такая же, как в моей лаборатории, только огромная.

– Нам нужно уходить отсюда, – Максим потянул её за руку. – В город. Там должны быть укрытия.

– В пустой город? – Алиса с сомнением посмотрела на застывшие небоскрёбы.

– Лучше, чем в открытом поле, когда это... – он кивнул на пульсирующее марево, – поползёт до нас.

Они побежали. Максим не выпускал её ладони, и этот простой контакт давал силы двигаться вперёд, хотя ноги вязли в траве, а лёгкие горели от быстрого бега.

Граница поля и города оказалась резкой, словно ножом отрезанной. Трава просто заканчивалась, уступая место асфальту, но асфальт был странным – матово-серым, без трещин и разметки. Первый же дом, к которому они подбежали, выглядел новым, но мёртвым. Стёкла в окнах были, но за ними – только темнота. Ни штор, ни мебели, ни следов жизни.

Максим дёрнул ручку подъездной двери. Закрыто.

– Давай обойдём, – предложил он.

Они двинулись вдоль стены, заглядывая в окна первого этажа. Пустота. Абсолютная, стерильная пустота. Квартиры были полностью пусты – ни обоев, ни сантехники, ни проводов. Бетонные коробки.

– Здесь никогда не жили люди, – сказала Алиса, прижимаясь лбом к стеклу. – Понимаешь? Этот город построили, но не заселили.

– Или построили для чего-то другого, – мрачно ответил Максим.

Они нашли подъезд с незапертой дверью – она просто стояла приоткрытой, словно приглашая войти. Внутри было темно и пахло сыростью. Никаких лифтов, никаких почтовых ящиков. Голые стены, бетонные ступени, перила из нержавеющей стали, на которой не было ни отпечатков пальцев, ни пыли.

– Куда теперь? – спросила Алиса шёпотом, хотя прятаться, казалось, было не от кого.

– Наверх, – Максим кивнул на лестницу. – Нужно посмотреть, что вокруг.

Они поднялись на седьмой этаж – Максим сбился со счёта, но ноги гудели, значит, высоко. Окно на лестничной клетке выходило на ту сторону, откуда они пришли.

То, что они увидели, заставило их замереть.

Поле, где они были пять минут назад, исчезло. Вернее, оно стало другим. Трава почернела и лежала на земле, примята неведомой силой. А в центре бывшего поля зияла воронка – огромная, идеально круглая, глубиной метров десять. Её края светились тем самым серебристым светом, который Максим уже видел дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.